

АЛЕКСАНДР
КЕРДАН

избранное

Александр Борисович Кердан

Избранное

Серия «Библиотека российской поэзии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746189

Избранное: Стихотворения и поэмы: Маматов; Санкт-Петербург;

2008

ISBN 5-91076-006-8

Аннотация

В книгу поэта Александра Кердана «Избранное» вошли как уже известные стихи и поэмы, созданные автором за три прошедших десятилетия, так и новые произведения. Своими размышлениями о творчестве поэта делятся его коллеги и друзья: Владислав Крапивин, Николай Иванов, Лола Звонарева и др.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Содержание

Об авторе	5
Слово о поэте	7
Стихотворения	18
Из книги «сибирский тракт»	18
Из книги «Нашла душа нечаянный приют»	34
Из книги «Стрела и песня»	45
Из книги «Междоветия»	61
Из книги «Посредине жизни»	75
Из книги «Игра в солдатики»	102
Конец ознакомительного фрагмента.	111

**Александр
Борисович Кердан
Избранное:
Стихотворения и поэмы**

© А. Б. Кердан, 2008

© ООО «Маматов», 2008

* * *

Об авторе

Александр Борисович Кердан родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище (1978), военно-политическую академию (1990) и адъюнктуру Военного университета в Москве (1996). Более четверти века прослужил в Вооруженных Силах, пройдя путь от курсанта военного училища до полковника.

Был комсомольским работником, заместителем командира роты и мотострелкового полка по политической части, преподавал в высшем военном автомобильном училище. Службу закончил в должности старшего постоянного корреспондента журнала Министерства обороны РФ «Воин России» по Уральскому военному округу.

Стихи пишет со школьной скамьи. Первое стихотворение было опубликовано в газете «Горняцкая правда» в 1975 году. Автор тридцати книг стихов и прозы, вышедших в Москве и на Урале, двух монографий и нескольких десятков научных статей. Стихи и проза переводились на английский, итальянский, грузинский, азербайджанский, хантыйский и коми языки.

Лауреат многих литературных премий, среди которых всероссийские: имени П. П. Бажова (2000), «Традиция» (2001), имени генералиссимуса А. В. Суворова (2006),

имени А. С. Грина (2007).

Член Союза писателей России с 1993 года. С 2000 года – координатор Ассоциации писателей Урала, с 2004-го – секретарь Правления Союза писателей России.

Кандидат философских наук (1996). В 2007 году защитил докторскую диссертацию по культурологии. Почетный профессор Уральского института бизнеса им. И. А. Ильина (2005).

Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2002). Награжден 16 медалями. В 2008 году ему присвоено звание «Почетный гражданин города Коркино».

Слово о поэте

Александр Кердан – один из активно работающих в литературе авторов, утверждающий своим творчеством принципы мужской чести и дружбы, верности Отечеству и высоким идеалам патриотизма, уважения к родной истории, рыцарского отношения к женщине, и вообще защищающий своим художественным словом всё то доброе, чистое и светлое, что предаётся сегодня либеральными российскими СМИ постоянному осмеянию и поруганию. Литература для Кердана – это не средство достижения быстрой (и оттого – весьма сомнительной) славы, не способ разбогатеть, сочиняя вслед за преуспевающими литературными коммерсантами детективные или эротические поделки, но сфера высокого служения Слову, которое не прощает не только лжи, но даже и просто поверхностного к себе отношения. Опыт столь требовательных взаимоотношений со Словом и даёт Александру Кердану основание высказать некоторые мысли о понимании сути литературного творчества:

*Пред белым листом опускаю глаза,
Чтоб чёрным его не марать...
Так часто молчал там, где нужно сказать,
Кричал, где не стоит орать.*

Теперь обжигает мне взгляд белизна,

*Как солнце в январском снегу.
Глаза опушу, и
царит тишина
В словах, что сказать не могу...*

(«Пред белым листом...»)

Если говорить языком художественных образов, то творчество Александра Кердана можно сравнить с ярким метафорическим оборотом из той зажигательной песни, которую слушают на кипучем американском балу герои его романа «Берег отдаленный» лейтенант Завалишин и Мария Меркадо. Взгляды, выбрасываемые из глаз молодых красавиц, сердца которых объаты пылающим огнём любви, уподобляются в этой песне языкам пламени, вырывающимся из горящего дома. Вот такова же, на мой взгляд, и природа таланта самого Александра Кердана, сквозь все творчество которого, точно полыхающие языки огня, постоянно прорываются обжигающие душу читателя чувства любви к России, к её великой истории и сотворившим и эту историю, и саму Россию людям, отличавшимся беззаветным служением избранному ими делу и своей Родине.

Проза и поэзия Александра Кердана – явление отнюдь не региональное, выходящее за рамки одной только уральской культуры и непосредственно сегодняшнего времени. Это своего рода нравственный кодекс для молодых читателей всей России, в каком бы из её уголков и в какой бы из предстоящих эпох они ни жили. Потому что его стихи, поэмы, романы

и повести способны напитать их духом честности и смелости, научить держать данное ими кому-то слово и нести за него ответ, да и вообще, как говорится, быть в этой жизни «не мальчиком, но мужем».

Николай Переяслов, критик, Москва

Прочла книгу Александра Кердана «Переход», осталось теплое и светлое впечатление от стремительной легкости и воздушности строк: «... дождь, как ножом,/ Это утро разрезал./ Пробежал босиком / По карнизам железным...»; «Надраит полночь таз луны,/ Его наполнит звездной пеной...» или «Золото березы, медь рябины/ Над железным отблеском пруда...»

От их простоты и глубины: «...И звенит промерзшая округа/ От крестов и звездочек до звезд...»; «...Чтобы дымом из трубы / Подпереть не мрак окрестный – Небосвод моей судьбы...»; «Звезды падали наискосок / Августа за окном...» – здорово!

Мягкая лиричность стихов, ностальгия по ушедшему (времени, эпохе) читателю близка и понятна, берет за душу – чего у многих современных поэтов уже нет, нет задушевности, ее боятся, стесняются, или, может быть, просто не могут.

Александра Саакян, журналист, Уфа

Жить в любви и согласии с самим собой – пожалуй, главное в творческой биографии моего друга поэта Александра Кердана. Впрочем, это раньше я считал, что Кердан – только поэт, у которого «Не все

выходит так, как надо, Но в том-то и сокрыт резон, Чтоб был всегда открыт для взгляда Недостижимый горизонт». За тем, далеким горизонтом для него оказалась вдруг... Аляска. Наша, еще русская Аляска, еще не проданная американцам, еще застывшая, как невеста, перед выдачей на чужбину. Исторический роман «Берег отдаленный...», над которым Александр работал более десяти лет, сделал поэта историком, философом, исследователем. А нас – благодарными читателями...

По этому роману, по его военным повестям понятно: вырастает прозаик, который может оставить в некоей тени даже свои поэтические строки. Чего, честно говоря, не хотелось бы, ибо при всем уважении к Кердану-прозаику и драматургу его поэзия заявила о себе значительно громче, проникнув во все уголки России.

Николай Иванов, писатель, Москва

Год назад в мои руки случайно попала книга А. Кердана «Опыты». Тогда я впервые познакомилась с творчеством этого поэта и была приятно удивлена тем, что он наш земляк. Его стихи поразили меня своей легкостью, доступностью для восприятия, и, вместе с тем, мудростью и глубоким смыслом. Они не поучают и все же заставляют задуматься над самыми важными сторонами жизни.

Добро и потрясающая энергетика, которые исходят от этих стихов, говорят нам, что жизнь прекрасна, что

мир на самом деле лучше, чем порою кажется. Может, поэтому стихи и оставляют в душе такой светлый след.

Я считаю, что Александр Кердан – поэт исключительный, заслуживающий всеобщего признания. Через какое-то время он из нашего современника обязательно перерастет в классика.

Евгения Молостова, студентка, Екатеринбург

Александр Кердан – представитель того поколения, которое появилось на свет через десятилетие после Великой Победы. Поколение это гордилось отцами и дедами, сражавшимися под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, бравшими Берлин. И не случайно тогдашние мальчишки после школы стремились поступать в военные училища, конкурс на экзаменах в которые тогда был очень высоким. Так же, как они, надел офицерские погоны и Александр Кердан.

Только офицер мог написать так пронзительно о «необъявленных войнах», «интернациональном долге», «наведении конституционного порядка»: «Он привез с той войны/ Шрам от пули из бура,/ Орден дальней страны,/ Пару грамот Глав Пура...» или: «Недобрая ратная слава/ Неясная сердцу тоска.../ Насытилась кровью держава – / С Кавказа уходят войска».

Действительно, наше поколение стало свидетелем славы и позора отечественных Вооруженных Сил. Пытаясь осмыслить происходящее, поэт обращается к далёкому прошлому нашей страны. В нём ищет он истоки наших побед и поражений. При этом

важнейшими понятиями для Кердана являются долг и честь – то, на чём всегда держались и будут держаться русская армия и флот.

Борис Орлов, поэт, Санкт-Петербург

«Век любви» – назвал одну из своих новых поэтических книг Александр Кердан. Как всякий образ, название многопланово. Споря с Надсоном, утверждавшим: «только утро любви хорошо», автор задаёт три временных координаты любви – и самого бытия: утро – свет рождающейся любви, полдень – её расцвет, ночь – то печальное время жизни, которое способна оправдать и согреть только любовь. Но в названии не только возрасты любви – есть, наверное, и прямой вызов веку, которому любви не хватает как света, как чистой воды, как самой истины.

Некое противоречие задано уже в первом стихотворении. «Пока мы живы, с нами праздник наш» – этими строчками оно начинается, и тут же – в следующем четверостишии: «Иллюзию не в силах превозмочь...» Далее волей-неволей читаешь пристрастно, если не придирчиво: о чём стихи? Праздник любви – или иллюзия, мираж?

В книге объединены общей темой стихи, повествующие о чужих судьбах (отстраненно, на уровне некоего со-чувствия), о сюжетах собственной жизни, но проходит через всю книгу и тот самый луч, чистый свет – стихи-состояния, стихи-чувства. Именно здесь стирается грань между праздником и иллюзией:

то, что пережито сердцем, становится реальностью и приобретает силу истины.

Странная вещь – поэтическая форма... Её сквозные созвучия завораживают и притягивают, но почти всегда остаётся чувство недовольства – что-то, что мерцало сквозь слова, неумолимо улетучивается с бумажного листа! На самом-то деле всё просто: стихи – форма не повествования, а переживания, они способны воспроизводить не сюжет, но само состояние, которое более мерцает за словами, чем отражается в них.

Нина Ягодинцева, поэт, Челябинск

Служить России – дело не прибыльное, любить Россию – чувство сегодня даже опасное, петь Россию – значит служить ей, любя беззаветно. А иногда и безответно...

Всё вышесказанное можно отнести к Александру Кердану – офицеру, поэту, ученому, а, по сути – солдату. Солдату погибающей и возрождающейся империи, который один из немногих, но самых верных, стоит на её духовных рубежах. Это не лестное преувеличение, лишь констатация факта. В поэзии Кердана Родина – главная лирическая героиня, рыцарское служение которой есть главный удел поэта. Любить её такой, какая она есть, и, по слову Пушкина, любить её историю такой, какой дал нам Господь Бог.

Поэзия Кердана многогранна и не имеет ровного дыхания. Дыхание её сбито, как во время рывка в атаке: то срез времени, то запечатленное единым мгновением

движение, то привычная русская хандра на фоне узнаваемого пейзажа, то боевой клич, то смех, но чаще всего сквозь слезы, то, казалось бы, банальная бытовая сцена... И всё это пронизано глубоким пониманием окружающего мира, помноженным на ту самую любовь, о которой сказано выше. Поэтому каждый читатель может найти в сборниках поэта свои стихи и выстроить свои литературные параллели. Для меня собственный голос Александра Кердана перекликается и с окопной правдой Твардовского и Симонова, и с воспеванием Руси Есениным и Рубцовым, и с лирикой всех, когда-либо живших русских поэтов, а еще он пронизан бесконечным теплом, исходящим от Солнца русской поэзии – Александра Пушкина.

...Кердан совместил в себе несколько талантов. Помимо поэзии и прозы (достойной отдельного подробного разговора), он является прекрасным организатором, пытливым ученым, а главное – неутомимым борцом, хранителем и пропагандистом изящной русской словесности. Собственное творчество не мешает ему работать с талантливой молодой порослью. Он щедро делится со своими коллегами не только опытом, но и так нужными сейчас печатными листами. Редактируемый им альманах «Чаша круговая» действительно идет по кругу, как братина, и десятки авторов уже опубликованы в «Чаше», их голоса вплелись в сочную полифонию русской литературы. Ассоциация писателей Урала, Поволжья и Сибири, координатором которой он является, есть живой и

действующий организм, в отличие от многих подобных образований на развалинах самой читающей страны в мире...

Принято утверждать, что поэты – небожители. В таком случае, русские поэты – призванные солдаты русского неба. Если бы можно было каждому из них присвоить воинское звание, совпадающее (или не совпадающее) со званием земным... Генералиссимус Пушкин, генерал армии Лермонтов...

Унтер-офицер Есенин... Унтер-офицер? Не мало ли? Не мало, если он стоит по правую руку от генералиссимуса и держит знамя русской поэзии. А еще есть Рубцов – с тремя нашивками – в машинном отделении эсминца... Есть в этом небесном воинстве и русский полковник Александр Кердан.

Сергей Козлов, писатель, Ханты-Мансийск

В Александре Кердане не могут не подкупать напряженная динамика саморазвития и постоянной рефлексии, отрицание духовного застоя, тупой забронзовелости самодовольного обывателя, готовность круто изменить жизнь, отказавшись от достигнутого во имя служения Литературе:

*И пусть, как парус над кормой,
Несет нас вдаль воображенье:
Лишь бесконечное движенье
Есть суть и смысл души самой...*

(«И берег тот, что за спиной...»)

...Размышляя над творчеством Александра Кердана – человека, пережившего немало испытаний и резких перемен судьбы: профессиональный офицер, командовавший большим воинским подразделением, военный журналист и педагог, ученый-философ, автор тридцати книг стихов и прозы, ныне возглавляющий одно из крупнейших писательских объединений страны, – понимаешь, насколько прав Александр Блок, давший определение пути настоящего художника. К судьбе и творчеству Александра Кердана это утверждение вполне приложимо: «Трилогия вочеловечивания» (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, «возмездию» и... – к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный матерьял, вглядываться в контуры «добра и зла» – ценою утраты части души)».

Лола Звонарева, доктор исторических наук, академик РАН, Москва

Мне, прозаику, писать про поэзию трудно: ничего я не понимаю в стихах. И в силу этого непонимания оценки мои до предела просты: «не нравится» или «нравится». Стараюсь вообще не давать оценок, чтобы не сесть в лужу, но вот сейчас, собравшись с духом, я заявляю со всей категоричностью: СТИХИ АЛЕКСАНДРА КЕРДАНА МНЕ НРАВЯТСЯ.

Нравятся с давних пор своей четкостью, ясностью слога и мысли. И тем, что, как говорится, «берут за душу». Причем всякие стихи: про армейскую службу, испытанную, увиденную «изнутри» и лишенную парадного барабанного боя; про нашу Россию с ее нелегкой судьбой; про маму, чья судьба похожа на судьбу России; про забавную, мудрую и добрую бабу Ягу; про товарищей; про нелегкие размышления о смерти и жизни. И, конечно, про любовь. Вот, например:

*Выдумывать изящные слова
И выпускать на лист бумаги белой
Мне б показалось непосильным делом,
Но в каждой букве ты, любовь, жива.*

А она и вправду жива, значит, никуда не денешься, и поэт приговорен свершать свое непосильное дело.

Бывает, что замотанный писательскими (и неписательскими) трудами, валюсь на диван и беру с диванной спинки томик Саши Кердана. Саша умеет не только писать замечательные стихи, но и читать их умеет не хуже. И пробегая строчку за строчкой, я как бы слышу Сашин голос. Мне хочется, чтобы читатели этой книжки тоже слышали голос моего друга за строчками, которые заставляют человека то улыбнуться, то вдруг удивиться: надо же, как защемило сердце...

Владислав Крапивин, писатель, Тюмень

Стихотворения

Из книги «сибирский тракт»

«Доверившись зыбкой стихии...»

*Доверившись зыбкой стихии
И клятвам недолгим твоим,
Пустился я в путь по России,
Речною волною гоним.*

*Не просто прощаться с причалом,
Но шаг уже сделан, и вот —
Волна, словно люльку, качает
Немодный давно пароход.*

*...Я плыл, и дыхание свободы
Витало над всем и везде.
И сосны, как в поисках брода,
Бродили по пояс в воде.*

1988

«Справа – рыжие стога...»

*Справа – рыжие стога,
Слева – лес березовый...
Едем прямо на закат,
Бирюзово-розовый.*

*Нас в «Икарусе» полно.
Все мы – очень разные.
Вот два парня пьют вино,
А стаканы грязные.*

*Справа – рыжие стога,
Слева – лес белеется.
Бабушка сидит – Яга,
Старичок к ней клеится.*

*Вот почтенная семья
С четырьмя детишками.
Вот военный – это я,
С интересной книжкой...*

*Все – под крышею одной,
Всем комфорта поровну.
Кто – из дома,
кто – домой,
Едем в одну сторону.*

Ледантю

*Придите ко мне все туждающиеся
и обремененные, и Я успокою вас.*

*Надпись на могиле К. Ивашевой, урожденной
Ледантю, супруги декабриста В. Ивашева*

*Есть одна приметная могила
В маленьком уральском городке.
Там лежит французженка Камила,
От своей отчизны вдалеке.*

*А над нею осыпают хвою
Два огромных кедра и сосна.
В край лесной заброшена судьбою
Декабриста юная жсена.*

*За любимым!
— Нет преграды чувству —
Хоть в острог, хоть в ссылку — все равно —
Ледантю...
А на кладбище пусто.
Потускнели надписи давно.*

*Ледантю...
Звучит светло и нежно.*

*Я стою вдали от суеты...
— Есть любовь, — кивает мне подснежник,
Выросший у каменной плиты.*

1983

Грустная сказочка

*Знакомая с детства примета —
Под домиком курья нога.
Жила-была в домике этом —
Известно кто — Баба-Яга.*

*Считают: крива, косолапа...
Но только молва донесла,
Что с виду проклятая Баба
Прекрасней всех в мире была.*

*Немало парней приходило
За счастьем в лесное жилье...
Одних Яга впрок засолила,
Других заедала живьем.*

*В довольстве свой век коротала.
Вертелась изба на ноге...
И тропка не зарастала
К красавице Бабе-Яге.*

*Но знают лишь зайцы да лисы:
Зачахла одна от тоски
Добрейшая Василиса
С наружностью Бабы-Яги.*

1987

«Вдоль дороги столбы, как распятья...»

*Вдоль дороги столбы, как распятья.
Солнца глаз на небесном холсте.
Все живущие все-таки – братья.
Во Христе
или не во Христе.
А забудешь про братскую долю,
станешь жить, никого не любя, —
помни, совесть,
что есть в чистом поле —
есть! —
пустующий столб для тебя.*

1986

В Александро-Невской лавре

Две побирушки, что сидят у церкви,

*Благодарить готовы за гроши.
А на хорах поют, как в Ленконцерте.
И, что всего дороже, от души.*

*Бубнит архиерей, будто из ямы.
Не понял если – думай о своем...
Сияют электрические лампы,
И сладкий дух плывет над алтарем.*

*Кладут поклоны истово старушки,
О чем-то очень праведном молясь.
И зорко тянет руку побирушка
К монетке медной, что упала в грязь.*

*И я среди народа потолкаюсь,
Молитв не зная, все же – погляжу...
Своих врагов прощу, в грехах покаюсь,
И денежку в ладошку положу.*

1984

«Горько плакалась морю река...»

*Горько плакалась морю река,
Что дорога была нелегка.
Что пороги дробили струю
В неприветливом горном краю.
Что холмы и овраги мешали,*

*Люди русло мостами сшивали...
Изливалась у моря река.
Море слушало, пенясь слегка,
И соленые брызги роняло.
Расступилось, и...
речки не стало.
Горько плакалась морю река.*

1983

«Говорят о море столько разного...»

*Говорят о море столько разного...
Только я уверен все равно:
Море возле мола часто – грязное,
А подальше – чистое оно.*

*Там, где вдаль плывут
потомки Беринга,
За бортом чистейшая вода...
Осуждают море только с берега —
Те, кто в море не был никогда.*

1986

Баллада о сыновьях

На завалинке старуха,
С нею – дед.
На двоих почти им
Двести лет.
У старухи на коленях —
Кот клубком.
И сидят старуха с дедом
Ря —
дыш —
ком.

А в избе герань
Алеет на окне,
Фотографии теснятся
На стене.
Все солдаты,
Все похожие с лица...
Восемь было их у мамы
И отца.
Три войны прошел старик —
И сам живой.
А вот дети не вернулись
домой —
С той последней,
Самой страшной, мировой.

У избытки – две березы,
Два ствола.
Облетела, поосыпалась

*Листва.
Все глядит на них
Старуха,
Смотрит дед:
Два ствола стоят живые —
Листьев нет.*

1983

«Пьют в России не от грубости...»

*Пьют в России не от грубости
Нравов местных, не от глупости.
Пьют нередко от ума...
Озирая путь свой пройденный,
От тоски за нашу родину —
То святую, то уродину,
Не восставшую от сна!
Пьют в России, словно лечатся
Приобщеньем к человечеству.
Пьют, как трудятся, в запой.
Чтобы жизнь казалась ласковой,
Чтобы душу выполаскивал
Русской песни лад простой.
Пьют в России...
Усмехается
Шар земной, а мы — покаемся.
И вина нам, как вино.*

*Похмелимся. Горе-горькое
Одолеть легко,
поскольку мы
Сами – горькие давно...*

1988

Славянки

*Оркестры, а не тальянки
Гремят теперь в русском краю,
Славян провожают славянки —
Любовь и надежду свою.
Стоят поезда у перронов,
Минуты прощанья летят,
И смотрят славянки влюбленно
В глаза первогодков-солдат.
Цвет неба у нас на погонах,
И ты улыбаешься мне...
Раздался приказ:
— По вагонам! —
И вот замелькали в окне
Разъезды и полустанки...
А в сердце и удаль, и грусть.
Вернемся, нас встретят славянки —
Любимая,
мама и Русь!*

1978

Муравей

*Герой безвестный – муравей
Сквозь травяную чащу
Себя в три раза тяжелей
Соломинку он тащит.
Согнулся и, должно быть, взмок
От перегрузки адской...
Но тащит —
Выполняет долг,
Без жалоб, по-солдатски.*

1984

Командировка

*Я летел в командировку...
Вся моя экипировка:
Мыло, бритва и блокнот,
Томик Брюсова – в портфеле.
Мне казалось, еле-еле
Плыл по небу самолет.
А потом кряхтел «УАЗик»
Нас вытягивал из грязи,*

*И дорога вдаль вилась,
И роптал тисненый Брюсов,
Поводя бумажным усом,
С мылом
стал —
ки —
ваясь.*

*Не сердитесь, мэтр почтенный,
Уж таков удел военный.
Я, солдат обыкновенный,
Не хотел обидеть вас.
Мне и самому неловко,
Но моя командировка
Только-только началась.
И утих стесненный классик
Все вперед бежал «УАЗик»,
Догоняя горизонт.
Мыло, бритва и блокнот,
Томик Брюсова – в портфеле.
Офицер политотдела,
Еду в дальний гарнизон.*

1984

Двое

*Лейтенантик в фуражке с околышком
Голубым,*

как с картинки сошел.
И девчонка с ним рядом – как солнышко,
Рассиялась – так ей хорошо!
А про то, что дороги военные
Дарят большие прощаний,
чем встреч,
С ней пока бесполезно, наверное,
Заводить просто-напросто речь.
Жизнь сама все разложит
по полочкам,
Все поможет постичь и понять...
Двое – рядом.
И солнца осколки
На плечах лейтенанта горят.

1985

«Только день прошел...»

Только день прошел,
Не годы —
Белой стала голова.
Двадцати двух лет от роду —
Миши Птицына вдова.
Мы ее не утешаем,
Мы сейчас молчать должны...
Фотография большая —
Смотрит летчик со стены.

– Небо – трудная работа... —
Молвил кто-то из ребят.
– Не вернулся из полета... —
Так об этом говорят.
Ночь сиреневою ишторой
Занавесила окно.
Как всегда, ревут стартеры,
И уходит ввысь звено.

1982

Тамада

В гостинице, сидя на кровати
железной,
Пили мы спирт, говорят, полезный.
Его называют у нас «гидрашкой»,
Выпьешь – и по спине мурашки!
Старлей молодой
Был у нас тамадой.
Он из Афгана
Вернулся недавно.
Мы все вопросы:
– Как там, за речкой?
Спирт разливает, в ответ – ни словечка.
Мы пристаем:
– Расскажи про войну! —
Скрипнул протез, разорвал тишину.

*...В гостинице, сидя на кровати
железной,
Пили мы спирт, говорят, полезный.
Старлей молодой
Был у нас тамадой.*

1983

Монолог лейтенанта в гостинице «Интурист»

*Вы не сомневайтесь, деньги – честные!
Одолжила мне их впрок война...
За вино и баб плачу я чеками —
Кровью расплачусь потом сполна.
Отпуск мой подходит к завершению,
Деньги мне в Кабуле не нужны...
Завтра – самолет и возвращение
В жаркие объятия войны.*

*А пока – официанты крутятся:
Счет оплачен щедрою рукой...*

*Но опять в упор стреляет улица
В мой висок, подстриженный такой.
За дувалом, словно в бухгалтерии
Счетами грохочет счетовод —
Выдает зарплату инфантерии,*

Не скупясь, душиманский пулемет.

Я врагов тогда накрыл гранатой,

Потому сегодня ем и пью... —

Лейтенант склонил невиноватую

Буйную головушку свою:

— Вы не сомневайтесь, деньги — честные...

1982

Из книги «Нашла душа нечаянный приют»

«Твоя любовь, как шутка злая...»

*Твоя любовь, как шутка злая,
Не от души, а от ума.
Не рассмешишь, не обижая
И не обидевишься сама.*

*Не пожалеешь без укора
И не похвалишь, чтоб всерьез...
Смеемся мы с тобой до ссоры,
А после миримся до слез.*

1986

Баллада об одежде

*Воплощение самых тайных страхов —
В дом вошел и
выхватил мой взгляд,
Как чужую мятую рубаху,
Обнял рукавами твой халат.*

Вот и все.

И никакой надежды

Нет на то, что это – сон дурной...

В этом доме даже и одежда

Не принадлежит себе самой.

1985

«Я сижу на своих поминках...»

Я сижу на своих поминках,

И не лезет закуска в рот.

Вот жена моя в черной косынке,

Вот Алеша и Ваня – вот.

А народу-то набежало

(Хоть не принято говорить...).

Ешьте, пейте – вина не жалко.

Раз собрались, так будем пить.

Тамада – или кто он? – старший

Произносит печальную речь,

Что не стало меж нами Саши... —

И гора, между прочим, с плеч!

Опрокинули пару стопок —

И печаль разом – шмыг за дверь.

Затекает уж песню кто-то,

Кто-то лезет уже к вдове.

*Утешает. А сам меж делом,
Норовит – посильней прижать...
Это все меня так задело —
Передумалось умирать!*

*И, не знаю, на радость или
На потеху толпе хмельной
Я поднялся, живой и в силе,
И уселся рядом с женой!*

*Крепко, в губы, – не целовался
Так никто еще на миру!
Коль не умер, когда собрался,
Я до смерти теперь не умру.*

1988

«Кто одиночеством храним...»

*Кто одиночеством храним
И впрок потерями испытан
В любви, не отягченной бытом,
Но порожденной все же им —*

*Тот знает: праздники нечисты,
Как всплески звездного весла,*

*Которым ночь гребла и к счастью
Или к несчастью нас несла,*

*Презрев и знанье, и незнанье
Всех прошлых и иных веков...
И было тишины звучанье,
Как предвкушение стихов.*

*И этот миг соединим
Казался в лунности разлитой
С любовью, порожденной бытом,
Но не отягощенной им.*

1994

«Ко мне – нельзя...»

*Ко мне – нельзя.
К тебе – нельзя.
Ни в тот, ни в этот дом – не входи,
Мы – бесприютней всех прохожих,
Что мимо нас сейчас скользят.
Мы – бесприютней сквозняков,
Что переулки повенчали...
Удел свободных от оков,
Все ж не свободен от печали.
И оттого в душе сквозят
Обиды, нашу жизнь итожа:*

*Мы никуда с тобой не входим.
К тебе – нельзя.
Ко мне – нельзя.*

1991

«Лягушки квакают к дождю...»

*Лягушки квакают к дождю...
Шел дождь в Кусково.
А дальше слова не найду,
Чтоб к месту слово.*

*А дальше: зонт, аллея лип,
Кусты акаций...
Я так душой к тебе прилип,
Что не расстаться.*

*Но расстаемся на века
С тобой у грота.
С лягушечьего языка
Нет перевода.*

*И нам никто не объяснит,
Не даст совета,
Как друг без друга дальше жить
С любовью этой?*

*...Я от тоски с ума сойду,
Припомнив снова:
Лягушки квакали в пруду,
Был дождь в Кусково.*

1994

После дождя

*Пили сладкое вино,
Целовались горько.
Только звезды нам в окно
И кричали: «Горько!»*

*После буйного дождя
Тишь к земле прибита.
И что можно, что нельзя —
Нами позабыто.*

*И не страшно ни черта,
И жалеть не надо,
Что впервые два зонта
Наши сохнут рядом.*

1994

«Ночь изменит наши лица...»

*Ночь изменит наши лица
И усилит глаз свечение.
Как форе́ли,
будут биться
Под рукой твои колени.*

*Делим трепет с поцелуем,
Пьем и пьем
луны струенье,
Позабыв, что неминуем
Полусумрак пробужденья.*

*Притаившись рядом где-то,
Он, одетый в голубое,
Бросит вдруг
клинок рассвета
Между мною и тобою.*

1991

«Прошлепал ангел...»

*Прошлепал ангел
По душе*

*Босыми пятками.
Не будем прятаться
Уже,
Шут с ними, с прятками.
Идем по звездам —
Босиком,
Как в час рождения.
И все друг другу —
Прямиком,
Без снисхождения.
Мы все друг другу,
Надо же,
Чтоб все – по полочкам...
Прошлепал ангел
По душе,
Как мы по полночи.*

1994

Галатея

*Зачем же бился так Пигмалион
Над сотвореньем образа любимой?
Чтоб ожила она...
И тут же – он
Сам стал в руках ее
Послушной
глиной.*

1994

Песенка менестреля

*Была герцогиня прекрасна,
Как утро, как древних богиня.
Влюбляться в такую опасно,
Но паж обожал герцогиню.*

*Вассал остается вассалом.
Смири, неумный, гордыню!
Вкруг замка пастушек немало...
Но паж обожал герцогиню.*

*Слыл герцог воителем смелым —
Жену свою путал с чужими...
Но это лишь герцога дело,
А паж обожал герцогиню.*

*Жила герцогиня не строго:
Вовсю флиртowała с другими.
Пусть в песенке смысла немного,
Но паж обожал герцогиню.*

1994

Восточные мотивы

*По восточным традициям —
тысячу прав
Я, как ветер с востока, в подарок принес,
Чтобы выпить до капли отраву отрав —
Смесь смертельную
из поцелуев и звезд.*

*А когда отойдет ожиданье стыда
И печаль, как чалма, обовьет мне чело,
Что – скажи мне – что с нами случится тогда,
Чтобы сердце вот так не саднило,
не жгло?*

*Мне – как дервишу Мекка – улыбка твоя
Обещает прощение в этом аду...
Как, прощенный тобою, исчезну вдруг я,
Как, тобой не прощенный,
навек пропаду?*

*Колыхается марево в жаркой груди,
Кровь стучится в висках,
от броженья устав.
Ты прощать меня и не прощать
погоди —
Дай допить мне до капли*

отправу отправ.

1990

Из книги «Стрела и песня»

Зона

*Старый лагерь, а проще – зона,
Как наследье эпохи злой.
А вокруг океан озона,
Именуемого тайгой.*

*Только – воздух какой-то колкий
И в барак не войти никак...
Смотрят сверху устало,
горько
Звезды, словно они – зэка.*

*Страшно здесь находиться долго —
Ухожу, унося с собой
Ощущение, как наколку,
Как клеймо той эпохи злой.*

*Помнить вроде бы нет резона.
Почему же в груди моей
Не стирается чувство зоны,
А становится все острей?*

Марш дождевых червей

*Дождю навстречу открывает поры
Привыкшая к молчанию земля.
Мы в эту пору покидаем норы,
Забыв про вековой удел червя.
Поверив в очищение от бывшего,
И, разуму и смыслу вопреки,
Как наши предки, выползаем снова
На тротуар под чьи-то каблук.*

1989

Валенки

*Валенки к ногам примерзли,
В зябком инее рядно...
Столько дней скрипят полозья
Все одно, одно, одно:
Хо —
лод —
но!
Столько дней дорогой горькой
Ссылных вдаль конвой ведет.
Смерклось. Хутор
на пригорке.*

— Здесь ночуй, кулачий сброд! —
А кулачий сброд России —
Голытьба на голытьбе...
В домике места — по силе:
Угол потеплей — себе!
В толчее на метр к печурке
Не пробиться слабеньким...
Вместе с кожей с ног дочурки
Мать сдирает валенки.
Плачет, доченьку жалея:
— Ох, зима морозная!.. —
...Столько лет уже болеет
Дочка ее взрослая.
Столько лет хранит на теле
Шрамы,
шрамы,
шрамики...
Что же вы так плохо грели
Мою маму, валенки?
Что же вы, судьбе переча,
Не смогли ее сберечь?..

Ставит мама каждый вечер
Валенки
мои
на печь.

Пионерлаг

*Под горна крик, под барабана бой —
Наследников, и подвигов, и веры —
Нас списком, а еще точней, гурьбой
В апреле принимали в пионеры.
И ветеран, что видел Ильича,
Забывший где, когда — поскольку старый,
Стянул мне горло цветом кумача,
Дыша в лицо вчерашним перегаром.
Мне новый галстук говорить мешал,
Но говорить в ту пору было рано...
И я с восторгом отсальтовал
Удушью своему и ветерану.
И был готов, услышав:
— Будь готов! —
Наследовать и подвиги, и веру.
Теперь — другое...
Только жалко то,
Что больше я не буду пионером.
Что больше не поверю ни за что,
Так запросто чужому откровенью...
Во мне сомненья червь всегда готов
Подвергнуть все готовое сомненью.*

«Поезд мчит...»

*Поезд мчит.
Пульсирует под нами,
Гонке в такт,
Стальное полотно.*

*Кто-то машет поезду
Руками.
Кто-то камнем
Норовит в окно.*

1987

«Старики в больничном коридоре...»

*Старики в больничном коридоре.
Дед и бабка...
Кто ведет кого?
Он ли для нее теперь опора
Иль она – опора для него?*

*Пригляделся.
Мне понятно стало,
Что вопросы неуместны тут:
Жизнь так крепко двух людей спаяла,*

Расцели – и оба упадут.

1986

«Пахло печеной картошкой...»

*Пахло печеной картошкой
В воздухе теплом осеннем.
Вечер стелил за окошком
Деревьев длинные тени.*

*Люди молчали, стеснялись
Свои показывать чувства.
Тени все удлинялись...
Сверкнула звездная люстра —*

*Робко. Потом в полнеба.
Вселенная вся качнулась...
Люди простились нелепо.
Лишь на вокзалах очнулись.*

1988

«Нашла душа приют, чем не последний...»

Нашла душа приют, чем не последний?

*Двух пихт стволы создали надо мной
Подобие шатра...*

Под купол этот

Слетелся певчий хор окрестных птах.

А за спиною – дом, а перед взором —

Лужайка и тропа наискосок.

И замкнутый мирок раздвинут хором

Моих пичуг

до самой вышины,

Что подарила мне отдохновенье

От горьких дум...

Надолго ли?..

Мой храм качает ветер

Вслед земли вращенью.

И хор поет. И тихо по тропе

Бредет старушка в сторону заката...

А там, за мной, в родительском дому,

Меня оберегая, дремлет мама.

Еще не смея бросить одного

И долее терпеть уже не в силах

Вращенье мира и болезней бремя.

А хор поет псалом моей весне,

Что только нынче обручилась с летом.

И я готов быть вечным здесь поэтом,

Покуда за спиною —

мама, дом,

И надо мною – свод веселой хвои

Венчает миг надеждою зеленой.

Нашла душа нечаянный приют...

1994

Урал

*Два запаха родных: полынь и хвоя
В душе не зря судьбою сведены.
Отечество степное и лесное —
Хребет мой личный и хребет страны.*

*Неся свой крест твердыни и оплота,
Ты не горазд на громкие слова,
Меня терпенью учишь и работе,
Которая одна всегда права.*

*Которая останется со мною
До снега первого, до седины...
Два запаха родных: полынь и хвоя
В душе не зря судьбою сведены.*

1995

Открытие охоты

Юрию Демину

Чуть забрезжило утро,

*А там, за деревней,
Словно гвозди вгоняя
В осеннюю тишь,
Бьют дустволки,
Пристрастьем разбужены
Древним,
И легавые лаем
Пугают камыш.*

*И, почти что не целясь,
Не выбирая,
Хлещут дробью в упор —
В раж вошли «номера»...
И домашние гуси
В соседском сарае,
Словно дикие, мечутся
Нынче с утра.*

1990

«Меня окружает совхозная проза...»

Павлу Симонову

*Меня окружает совхозная проза:
Кудахтанье кур да мычанье телят,
И всепобеждающий запах навоза
И все удобряющий, как говорят.*

*И вдоволь удобренный, я вырастаю
Из глупых привычек своих городских.
Меня окружает деревня святая —
Прибежище нашей российской тоски.*

*На грани отчаянья и отчужденья
От прежних, почти позабытых, идей
Испытанным средством считаю терпенье
В кругу добродушных и грубых людей.*

*Пытаюсь понять их простые заботы
И, пусть даже этот порыв мой нелеп,
Единственным действием зову я работу,
Которая непреходяща, как хлеб.*

1990

«День так себе. Ни плох и ни хорош...»

*День так себе. Ни плох и ни хорош.
Обычный день, каких бывает много.
Когда живешь и словно не живешь.
И умер бы... Да не умрешь до срока.
Когда напрасный труд пенять судьбе,
Что непосилен сердцу крест тяжелый.
И время растворяется в тебе
Неспешно, как таблетка валидола...*

1991

«Ухожу в пургу...»

*Ухожу в пургу —
Не видать ни зги.
За душой печаль беспечальная.
Может быть, вот так —
Из самой пурги —
И возникла жизнь изначальная?*

*Без движения
Наша жизнь – тоска!
Без пурги тоска – дело случая...
Успокоимся – значит,
Смерть близка.
Хладнокровная, неминуемая.*

*Быть собою нам,
Боже, помоги,
Долей награди непохожею...
Ухожу в пургу —
Не видать ни зги.
Ни знакомого, ни прохожего.*

1992

«Три желанья моих обещали исполнить...»

*Три желанья моих обещали исполнить
Степь, полночное небо, речная вода...
Попросил я любви, чтобы верить и помнить,
Той, единственной самой, что раз – навсегда.*

*Степь ответила мне, ковылями качая:
– Я любовь тебе дам, но храни ее сам!
От тревог и невзгод свое счастье спасая,
Каждый миг для нее совершай чудеса.*

*Я для мамы моей попросил долголетия.
Заискрился тогда надо мной Млечный Путь:
– Будет жить сотню лет твоя мама на свете,
Только ты ее сам не покинь, не забудь.*

*Я у реки просил, наклоняясь к течению:
– Дай счастливой судьбы для потомков моих.
– Будут счастливы десять твоих поколений,
Если ты это счастье заслужишь для них...*

«Старуха отворила ставни...»

*Старуха отворила ставни,
И пес перебежал дорогу...
– Спасибо, – скажем утром ранним
За то, что живы мы, ей-богу.*

*За то, что мы, ей-богу, зрячи.
За то, что мы пока что в силах
Смотреть на долгий бег собачий
В окне, что вечность отворила.*

1993

«Яркая, как бабочка...»

*Яркая, как бабочка,
Промелькнула девочка.
Затаив дыхание,
Смотрят ей вослед
Мамочка и папочка,
Бабушка и дедушка
И какой-то мальчик
Тридцати трех лет...*

1991

«Как хорошо, что мы на «ТЫ»...»

*Как хорошо, что мы на «ты»
Не переходим с поцелуем.
И фамиллярность суеты
В порыве наших чувств мицуем.*

*Ведь то, что нам сейчас дано,
Так неугаданно и сложно,
Что ближе быть – уже смешно,
А дальше – просто невозможно.*

1991

Ее откровения

*Я тебе распахнула бы сердце
И была бы нежна, мягка...*

*У мужчины, чтоб опереться,
Быть пожестче должна рука.*

*Я бы простынью белой-белой
Застелила тебе кровать...*

У мужчины должно быть дело,

Чтоб к нему его ревновать.

*Все обиды бы я простила
И от счастья бы – без ума...*

*Быть должна у мужчины сила
Чуть добрее, чем я сама.*

*Я всегда бы была терпимой
И довольной своей судьбой...*

*Быть мужчина должен любимым,
Чтоб могла я остаться собой.*

1988

«Женщины влюбляются в поэтов...»

Артуру Фолленвейдеру

*Женщины влюбляются в поэтов,
Им прощая гонор и грехи.
Что-то есть волнующее в этом —
Вдохновлять поэтов на стихи.
Чтобы луч божественного света
Вдруг коснулся самых грустных лиц...
Женщины влюбляются в поэтов,
Ну, а выбирают их убийц.*

1993

«По сердца горестным заметам...»

*По сердца горестным заметам
Гадая, словно по судьбе,
На стыке осени и лета
Не доверяю сам себе.*

*И пусть еще теплом согрета
Дней золотая благодать,
На стыке осени и лета
Тебе мне страшно доверять.*

*Уже зимы дыханье где-то
Маячит холодом в дому...
На стыке осени и лета
Легко не верить никому.*

1992

Из книги «Междоветия»

«Стареет мама...»

*Стареет мама...
Грусти не тая,
Целую ее сморщенные руки...
Пока жива она —
Мальчишка я,
И время остается для науки
Любить и жить...
Но с каждой встречей мы
Все чаще разговор ведем о вечном.
В преддверье приближающейся тьмы,
Венчающей стремленья человечьи.
Ах, мама, мама,
Ну зачем, скажи,
Мне знать, где рушники,
Где креп для гроба?..
Передвигая горя рубежи,
Заранее с тобой горюем оба.
Ах, мама, я предвижу твой ответ...
Боюсь лишь сроки угадать
случайно...
Все надо знать.
Но объяснения нет*

*Тому, что только в молодости тайна.
Ах, мама, мама, я боюсь того,
Что разговоры не напрасны эти.
Ведь без тебя не будет никого
Родней и ближе мне на белом свете.
И потому сержусь сам на себя,
Что, тем беседам нашим потакая,
Как будто раньше хороню тебя
И сам свое сиротство предрекаю.
Ах, мама, погоди, я не готов
Остаться без тебя у края бездны...
Стареет мама.
И не сыщешь слов,
Когда слова бывают бесполезны.*

1995

«А березки как побелены стоят...»

*А березки как побелены стоят
Вдоль дороги, по которой мчится поезд.
Почернели все они по пояс.
«Штукатурка облетела...» – говорят.*

*Я смотрю в окно, свои дела
Вороша, как будто бомж окурки...
Жизнь моя – березово-светла,
И черна, где нету штукатурки.*

*Я и ею волен дорожить
Иль не дорожить, назло привычке...
Надо жить! Пока что – надо жить,
Хоть к окурку не хватает спички.*

*Надо жить... Искать с судьбою лад,
Ни о чем ином не беспокоясь...
А березки как побелены стоят
Вдоль дороги, по которой мчится поезд.*

1995

«Здравствуй, красивая женщина...»

*Здравствуй, красивая женщина!
Здравствуй, как будто прощай...
Все, что тобою обещано,
Ты позабыть обещай.*

*Встречи под стать расставаниям
Сам позабыть я хочу.
Видно, не все испытания
Нашей любви по плечу.*

*Пропастью кажется трещина,
Ядом представился чай...
Все, что мной было обещано,*

Ты позабыть обещаи.

*Чтобы в грядущем нечаянном,
Нашем ином бытии
Не обернулись отчаяньем
Клятвы твои и мои...*

*Чтобы порой предрассветною,
Там, друг от друга вдали,
Нам вспоминалось заветное,
То, что сберечь не смогли.*

1995

«Я с детства яд по капле пью...»

*Я с детства яд по капле пью,
Чтоб эту чашу выпить сразу.
Приняв смиренно горечь фразы:
— Прости, тебя я не люблю...*

*Знать, надо многое узнать,
Чтоб ядом сердце укрепилось.
Чтоб и такой ответ, как милость,
Без озлобления принять.*

*Чтоб этой отпovedи миг
Не смог твой образ затуманить,*

*Я помню: яд, он не обманет,
Когда ты пить его привык...*

1995

«Пониманьем дорожу...»

*Пониманьем дорожу.
Понимая, не сужу.
Понимая, обнимаю.
Понимая, узы рву...
Все теряю – понимаю.
Потеряв, не проживу.*

*Понимаю, что – не понят.
Понимаю – не поймешь.
Без меня ты не утонешь —
Доплывешь и проживешь.*

*Я много не желаю.
Не жалею ни о чем.
Понимаю – дело к маю...
Только май здесь ни при чем.*

1995

«Я гвоздь забью...»

Я гвоздь забью.

На гвоздь повешу ключ

От дома, что придумал для тебя.

А крыша дома создана из туч,

А стены ну, конечно, из дождя.

А дождь... Да это – след

минувших слез.

А тучи – это знак грядущих зорь...

И гвоздь, и ключ, и длинный коридор —

Немного в шутку и – почти всерьез.

И только ты,

что соткана из вер, —

Воздушной туч, реальнее гвоздя...

И мне – не в шутку —

ждать да ждать тебя

Всю жизнь, как после дождичка

в четверг.

1995

«Ах, эта Анечка Хорева...»

Ах, эта Анечка Хорева!

*Ах, до чего хороша...
С разумом сердце повздорило,
И встрепелулась душа.
Ах, эта юная грация,
Нежных надежд кутерьма.
В пору цветенья акации
Просто сводить нас с ума...
Хрупким своим равновесием
Силюсь еще дорожить.
Голой душою по лезвию —
Страшно и сладко скользить!..
Помню, так в детстве – на саночках —
С самой горы, с крутизны...
Ах, моя милая Анечка,
Саночки – не для весны.*

1995

«Ты лелеешь прошлое, как чадо...»

*Ты лелеешь прошлое, как чадо,
Над которым плакала и пела...
Слишком многому случиться надо,
Чтобы все в душе переболело.*

*Я и сам отогреваюсь в прошлом,
И от песен тех не отвернулся:
Слишком много думал о хорошем*

И всегда к хорошему тянулся.

*И не важно: стало ли судьбою
Иль осталось вечною печалью
То, что почему-то – не с тобою,
То, что отчего-то – не в начале.*

*А ценней иное. И – отрада:
Это все со мной когда-то было...
Так, бывает, вырастает чадо:
Выросло – родителей забыло.*

1995

На Страстном бульваре

1

*На Страстном бульваре,
На Страстном бульваре
Дождик мы с тобой
В ладошки собирали.*

*Или нам все это
Показалось только —
Собирали в горсти
Мы светила дольки.*

*А в итоге вышло:
Ни дождя, ни света...
Все – совсем как в книжке —
Выдумки поэта.*

*Только – лик на фото,
А слова забыты.
Не было расчета,
А за ним и быта...*

*Не было печали,
Горечи не знали
Там, где мы в ладошки
Счастье собирали...*

2

*На Страстном, где целуются парочки,
Очень трудно мне с чувствами справиться.
И с тобою «за ручку» бродить...
Ведь имеются в сквере скамеечки,
Где исписаны клятвами речки...
Нам бы клятвы свои сочинить!*

*А не хочешь, займемся... молчанием.
В нем у клятв есть иное звучание —*

*То, что лишь поцелуям сродни.
И изучим все правые родинки,
Словно карту потерянной родины,
Обретенной вдруг мной в эти дни...*

*Но мы бродим – серьезные, чинные.
И ведем разговоры причинные,
На скамеечки робко косясь,
Где, как вызов любым философиям,
Очень просто решают вопросы все
И целуются, нас не спросясь.*

3

*От Страстного бульвара останется страсть.
От твоих поцелуев останется вкус.
И уже не всесильная, времени власть
Надо мной покуражится пусть...*

*От Москвы суматошной останется май.
А для жизни, наверно, останется труд...
Как заклятье твержу: ты меня вспоминай
Промелькнувшим по маю, оставшимся тут...*

*На Страстном очень просто найтись и – пропасть,
Разрывая кольцо платонических уз...
Только та власть всесильна, которая – страсть.*

Только тот поцелуй, чей запомнился вкус.

1995

«Ночь глуха. Тоска черным-черна...»

*Ночь глуха. Тоска черным-черна,
Словно небеса до ранней зорьки.
– Жизнь, скажи, зачем ты мне нужна?
– Не нужна нисколько...
– Ну ответь же – ведь такой пустяк —
Сколько быть живому?
Ночь глуха
И милостива, как
Женищина, ушедшая к другому.*

1995

«Буду вспоминать тебя, как сказку...»

*Буду вспоминать тебя, как сказку
Со счастливой светлой развязкой,
Где дурак не прыгал в молоко
И царю до свадьбы далеко,
Где удачный найден был прием:
Каждый остается при своем.*

*И никем не поймана жар-птица,
И живет в столице царь-девица,
И туда-сюда, наверняка,
Можно вновь отправить дурака...
Ведь иной конец у сказки этой
Не проходит по менталитету,*

*Где девица, истрепав все нервы,
Обернулась бы обычной стервой.
Где дурак, став мужем и отцом,
Сразу бы ударил в грязь лицом,
Где одно спасенье для лица,
Что у сказки вовсе нет конца.*

1995

«Твое лицо становится родным...»

*Твое лицо становится родным,
Сближая наши души и заботы.
Мы в прежней жизни были несвободны
И в этой жизни тоже не одни.
Минувшему отмерена цена,
Но как бы позабыть его не чаял,
Всплывают в нас, на памяти качаясь,
Усопшие, казалось, имена.
Не к месту, не по делу, невпопад
Их страшное, как омут, притяжение.*

*Как будто направление движенья
У судеб наших – не вперед – назад!
Как будто все за нас предрешено
Движеньем этим замкнутым по кругу
И не дано нам позабыть друг друга.*

Твое лицо родней и ближе, но...

1995

«Грущу о тебе без печали...»

*Грущу о тебе без печали.
Скучаю, почти не грустя —
Как будто мы не расстались
И встретимся час спустя.*

*Как будто во всем уверен.
Как будто – навек – не на миг,
Судьбою твоей измерен
Судьбы моей черновик,*

*Что был мной с другими начат,
Где были и боль, и печаль...
И все в нем переиначить
Нисколечко мне не жаль.*

Чтоб утро улыбкой встречало,

*Все и простив, и приняв,
Чтоб эта грусть без печали
Не покидала меня.*

1995

«Выдумывать изящные слова...»

*Выдумывать изящные слова,
Записывать на лист бумаги белой
Мне б показалось непосильным делом,
Но в каждой букве ты, любовь, жива.*

*...Что остается? Имя начертать.
Благословенье вымолить у Бога.
Не для себя – к тебе одной дорога.
До самого последнего листа.*

1994

Из книги «Посредине жизни»

«Кончается век. Начинается век...»

*Кончается век. Начинается век,
А век человека – короче...
И хочет прожить этот век человек,
По-человечески хочет.*

*Не мы отвечаем, в какой из эпох
Шагнем из столетья в столетье...
Но век человека и тем уж неплох,
Что шансы дает на бессмертье.*

*Вдали замирает серебряный звон...
Рождаемся и умираем —
Властители хрупких мгновений —
Времен,
Которых не выбираем.*

1998

«Там, за спиной, осталось сто разлук...»

*Там, за спиной, осталось сто разлук.
Там, впереди, последняя – навеки...
А солнце совершает новый круг,
И вспять не потекут земные реки.*

*Но над тобою – Млечная река —
Имеет свойство изменять течение.
И над страницей черновика
Витает дух грядущего прочтения.*

*Признанья, возвращения на свет
Из сумрака холодного, немого...
Витает дух, и тлена больше нет,
Пока с тобою откровенно слово.*

*Витает дух. И, может, потому
Все чаще смотришь ввысь, а не под ноги.
Неся свой свет, легко идти во тьму,
Где нет разлук, а есть одни дороги.*

«Золотая опушка грозы...»

*Золотая опушка грозы —
Вышний свет над свинцовою тучей.
Как улыбка в преддверье слезы,
Непредвиденной и неминуемой.*

*Сколько в мире тревог и сует,
Без которых и радости нету...
Ведь и тень появилась на свет,
Чтобы стать преломлением света.*

*Мы живем, ожидания полны,
На пороге наитья и бреда...
Золотая опушка весны,
Грозовая окраина лета.*

1998

В горах

1

*Мы изменились, а горы — все те же.
Их изменения нам не видны...*

*Купол Эльбруса все так же заснежен,
Звезды над ним, как снега, холодны.*

*Войны и голод, победы и тризны
Не переменят высокой судьбы.
Вечный покой – вот поэзия жизни,
Хоть и рождаемся мы для борьбы.*

2

*Увидеть Млечный путь над головой,
Базальта твердь почувствовать стопой,
Чтоб осознать, что ты – еще живой,
И все живое все еще с тобою.*

*Когда по кругу пенится бокал,
И песня путешествует по кругу,
Чтоб осознать, кем был ты, кем ты стал,
Пожми тебе протянутую руку.*

*В развернутую пропасть загляни,
Где звезд полет венчается рекою,
Чтоб осознать, что считанные дни
Даны тебе до вечного покоя.*

*Живи и пой, пока твоя звезда
В ряду других сияет добрым светом!*

*Не вечен ты, но это – не беда:
До смерти можно позабыть об этом.*

3

*В горах Кавказа, Богом избранных
Для сохраненья человечества,
Легко себя представить изгнанным
Из своего Отечества.*

*Легко поверить уверениям,
Что здесь твой век, иссякнув, кончится.
Но понимать, что жизнь – мгновение,
В раю земном совсем не хочется.*

*Вот и живем, любовью лечимся
Под пологом ковчега Ноева...
Еще – не странники во Млечности,
Уже – не пыль пути земного...*

1997

«Пожелтело лето...»

*Пожелтело лето.
Побелела осень.*

*Снег, рожденный где-то,
Бьется телом оземь.*

*От зимы падучей
Есть одно спасенье —
Мартовский, мяучий
Призрак воскресенья...*

*Замерзают слезы
Только — до капли.
Зеленую береза
Лету ложе стелет.*

*И опять — до вьюги —
То жара, то ливни...
Друга ищем в друге
Посредине жизни.*

1999

Из разговора с Арсеном Титовым об увековечении памяти умерших писателей

*Не хочу быть улицей — хочу быть переулком,
А еще сподручней, просто — тупиком,
Где бы в скромной булочной продавались булки,*

А – напротив, в будке, пенилось пиво.

*Чтоб любой гуляющий или же заблудший
Булку съел и кружку пива опростал.
В тупике подумал бы вдруг о доле лучшей
И от этой думы сам поэтом стал.*

*А когда щедрее время на поэтов,
Пусть и не на гениев – на таких, как я,
Тупиком быть радостно, даже с того света,
Где любая улица, в два конца, – твоя!*

1998

«Подняв на локоток хрустальные сто граммов...»

*Подняв на локоток хрустальные сто граммов,
Полковник – на плече – занюхивал звездой,
Мечтая – в два глотка – что будет близок с дамой
Красивой и, при этом, очень молодой!*

*А локоток дрожал, и водка шла неровно,
Как шествует мадам под взглядом ста вояк...
Но, что судить, что пыл давно угас в жаровне,
Покуда не остыл дымящийся очаг.*

А утро – на бровях – восходит так же хмуро,

*Как входит теща в дом, пока жена в гостях...
Полковник пил вчера и жизнь казалась душой,
Настырной, как судьба, упертой, как косяк.*

*Полковник пил вчера. Ну, кто его осудит?
И кто остудит пыл, который не иссяк?
А на просвет погон ложатся звезды судеб,
Как ноги тех мадам, которых он не... ах!*

1998

«Когда счастливо дни текут...»

Владимиру Лошкареву

*Когда счастливо дни текут,
Тебе плевать на счет твой
в банке...
Ты гармоничен, как якут
В своей яранге.*

*Живешь лишь тем, что Бог пошлет...
Ведь так бывает, в самом деле,
Когда весь мир, весь мир —
банкрот.
А ты – Рокфеллер!*

1999

Два стихотворения

Вадиму Дулепову

1

*Боюсь я праздной чепухи,
Когда – вино, а не стихи,
И время – ласковый обман —
Приблудным псом нам пятки лижет...
Тогда себя я ненавижу,
Как иноверного душман.
Но пью, от мерзости трезвея,
И обнимаю чуждых мне.
И то, что истина – в вине,
Припомнить кое-как сумею...*

2

*Что истина? Она – одна,
Хоть в отраженье не похожа.
Как постаревшая жена
На ту, саму себя моложе.
Как на себя твои сыны,*

*Что возвращаются с войны,
Куда тебя уже не взяли...
Как репродуктор на вокзале
Совсем не то, что – глас с небес,
Вещающий, что нету мест
На поезд в нужном направлении
За миг всего до отправления.
Но... остается интерес,
Что, воскресая из попойки,
Как родина из перестройки,
Ты узнаешь ее и без
Высоких слов и объяснений
И новых флагов на ветру.
Но с кружкой пива поутру —
Для головы шальной спасенья...
Ты узнаешь
и пьешь до дна,
Тем жизнь вчерашнюю итожа,
Как истину, что все эс – одна,
Хоть на себя и не похожа.*

1995

«Немало встреч дается нам...»

*Немало встреч дается нам
С людьми хорошими...
Да раскатились по углам*

Мы, как горошины.

*И прорастаем в тишине,
Ища отдушину,
Надеясь слиться в вышине
Своими душами.*

*А годы тянут, тянут вниз,
В корней сплетение,
Чтоб навсегда мы там срослись
С земным вращением...*

1999

Родник в Переделкине

Л. Д. Чемисовой

1

*Дал Господь остановиться
За последний год впервой...
Переделкинской криницей
Да зеленою травой
Разглядеть знакомых лица
И течение судьбы.
Дал Господь остановиться*

Чуть поодаль от тропы...

*Под дубовыми ветвями
Есть глоток воды живой.
Разглядел, что было с нами:
И со мною, и с тобой.
Вроде не в чем тут виниться,
Вроде некого винить...
Дал Господь остановиться.
Век не дал остановить.*

*И в тревожном этом веке,
Остановкой той храним, —
Смог остаться человеком
Пред тобой и перед ним.
Пред огромным миром этим
Смог обрести на миг права,
Где – родник, звенящий в лето,
Да зеленая трава.*

2

*Себя представив старичком,
Сижусь на бревнышке молчком.
Гляжусь на шумную дорогу,
Что от шоссе уводит к Богу.*

Там, на горе, где Патриарх
Имеет летнюю обитель,
Блестят кресты на куполах,
Чтоб мог увидеть небожитель
Любовь к нему...

А ниже, чуть,
Погост приткнулся сиротливо,
Где, бранный свой окончив путь,
Спят наши мертвые счастливо.

Надгробья их не различить
В дремучих зарослях крапивы.
Там птица о своем кричит —
Спят наши мертвые счастливо...

И, если лучший есть удел —
Вот так остаться не у дел,
Уставя в небо взгляд остывший,
Хотел бы так же, на горе,
Под сенью храма и дерев,
Спать безмятежно и счастливо...

Ну, а пока – сижу молчком,
Себя представив старичком.
Гляжу на шумную дорогу,
Что всех живых уводит к Богу.
От колыбели до могил —
Вот жизнь...
Как будто и не жил...

*Ухожу в автономное плавание
От любви, от друзей, от родных.
Так, как будто имею право я —
Не хранить даже память о них.*

*Там в глубинах глухих одиночества,
Если хочется, то одного:
Позабить даже имя и отчество,
Не кого-то — себя самого.*

*И таинственной рыбой двуногою,
Ни о ком, ни о чем не скорбя,
Плыть безмолвною лунной дорогою
То ль к себе, то ли все ж от себя.*

*Плыть, отдавшись слепому течению
Беспредельной полночной тиши,
Пропуская созвездий свечения
Через чуткие жабры души...*

«Счастливые поэты пишут прозу...»

*Счастливые поэты пишут прозу,
Как некогда, в несчастьи, стихи.
Для рифмы благодетельны морозы,
Как для страстей разлуки и грехи.
Как острые шипы важны для розы,
Как для отдохновенья нужен труд...
Счастливые поэты пишут прозу,
Конечно, если раньше не убьют.*

1996

«Из темноты...»

*Из темноты,
Где поры тишины
Вбирают шум последней электрички,
И скрип пера —
Поклонника мечты —
Над выхваченным лампою листом...
Твой лепет из вчера,
Из детства, по привычке,
Где — истинная ты —
И не моя потом...*

*Что эта жизнь?
Пакетик из-под сока,
Внутри не сок – вода,
В которой до зари —
Нежнейший из цветов,
В бутоне сжат, до срока...
А после – в никуда
Раскройся и – умри!*

*Пока есть миг,
Где тишина бездонна,
Неразрешим вопрос,
Бессмертия мечты,
И роза до утра,
И как ребенок – ты...
Короткий миг любви.
Один глоток озона.
Под перестук колес
И легкий скрип пера...*

1996

«Сердце чувствует дождь...»

*Сердце чувствует дождь,
Задышается, бьется,
Как манометр, взявший шкалу
до конца.*

Только – капельку, чуть и —
Прибор разорвется.
Бесконечно не служат сердца.

Я по случаю здесь —
Станционный смотритель...
С той лишь разницей:
Если рванет, то – конец!
Задышается сердце:
К любимой пустите
Только так продлевается жизнь
у сердец!..

Там – хоть зной, хоть гроза —
Ничего мне не страшно.
Здесь, любая погода – почти что
инфаркт...
Дует ветер с востока, горячий
и влажный.
Сердце чувствует дождь.
Будет дождь.
Это – факт!

Будет дождь.
Будет – теплый,
Как слезы при встрече.
Без которых, наверное, было б
честней —
Умереть, обнимая, как милую, ветер,

*Тот, который приносит мне
Вести о ней.*

1996

«Последние дни октября...»

*Последние дни октября.
Рассветы туманны и звонки,
И чудится песня поземки,
Когда сквозняки говорят.*

*Опали рябины листья,
А ягод-то – грозди на гроздьях!
И слышится росчерк полозьев
В молчаньи пригорков пустых.*

*Пусть сладок признаний обман,
Но паузы стали длиннее.
И возраст держать их умеет,
Как держит долина туман...*

1998

Предутреннее

Пять минут и – рассвет

*Замаячит на белом
Покрывале двора
И в студеном окне...
Два глотка темноты,
Как вино мы разделим:
Половина – тебе,
Что останется – мне.*

*Встретим мы новый день,
Запоздалый, морозный.
Наше счастье – при нас,
Мы много не ждем...
Пять минут и – погаснут
Последние звезды,
Чтоб воскреснуть тотчас
На снегу за окном.*

1999

Яне

*Когда ты девочкой была,
Уже я взрослым был созданием.
И даже ездил на свиданья
В район, в котором ты жила.*

*...Ах, эта вьюжная зима,
Трамвай под номером пятнадцать.*

*А мы могли ведь повстречаться,
Когда ты девочкой была.*

*Тебя тогда бы я узнал
В ребенке с чуткими глазами
И указал знакомой даме
На будущий оригинал.*

*И ты меня узнать могла б...
Я, право, был куда моложе,
Когда все было в воле Божьей,
Когда ты девочкой была.*

*...А что потом? – Бельм-бела
Метель стезю мою венчала
И уводила от причала,
Где ты меня уже ждала.*

*Еще, конечно, не финал,
И все ж, виски в морозном дыме...
Твое узнал я поздно имя,
Но, слава Богу, что узнал.*

1996

В отпуске

Качается небо над Сочи.

*Качается море под небом.
Кончается отпуск... Короче —
Он прожит – как будто и не был.*

*Качается счастье в ладонях,
Качается горечь у сердца.
Кончается ночь, как погоня,
Которой пытались согреться.*

*Качается розовым бликом
Конец черноморского утра...
Пора не мечтать о великом,
А жить каждодневно и мудро.*

*В конце сумасшедшего зноя
Качается дождик осенний.
Пора понимать, что с тобою
Мы вместе, как дерево с тенью.*

1997

Соль на коже

*Соль на коже. Галька под ногой.
Черноморье. Сочи.
Год-другой и сам ты здесь другой,
Хоть признать не хочешь.*

*Соль на коже. Иней на висках
Море смыть не сможет.
И – другие рифмы, и тоска
Здесь другая тоже.*

*Соль на коже. Медленный загар
Золотистой пылью.
Ты лежишь, распластан, как Икар,
Потерявший крылья.*

*Отлетался! Срок летать другим,
На тебя похожим...
Ты распластан, хоть и невредим.
Соль на коже.*

1999

У скульптуры Родена

*Холодный мрамор тщательно шлифуя,
Тот, в ком любовь к искусству горяча,
Был прав в одном:
и в вечном поцелуе
Присутствует невечного печать.*

1998

«Чокаясь зубовным перламутром...»

*Чокаясь зубовным перламутром,
Пьем остатки нежности вечерней.
Только полночь, превратившись в утро,
Не приносит сердцу облегченья.*

*Только горечь встречного дыхания,
Языков касанье, влага десен —
Оттиск тихого перетеканья
Весен в лето, а из лета в осень.*

*Где весомо даже пониманье,
Что ничто не вечно, даже страхи...
Где судьба не даст нам обещанья,
Что воскреснем, но уже – в рубахе.*

*Где судьба уже лишить не может
Нас того, что отняла намереди...
Ты – моя до самой крайней дрожи!
Весь я – твой до капельки последней!*

*Верить в расставанье безнадежно,
Так же, как не верить в расставанье —
Если сладостна разлуки нежность,
Если так прерывисто дыхание.*

«Еще озябшая луна...»

*Еще озябшая луна
Свой лик за тучами не скрыла,
И наша общая страна
Еще не знает слова – было.*

*И мы с тобою не должны
Скреплять доверие словами,
Когда вот так обнажены
Все чувства, что владеют нами.*

*Не зрением – осязью найдем...
И страсть свою друг в друге спрячем...
Есть смысл особенный во всем,
Что открывается незрячим.*

*...Светил небесных хоровод,
Как форма времени и ветра.
И вниз летящий небосвод,
И вверх скользящая планета.*

*Из темноты веков, со дна,
Почти от сотворенья мира, —
Туда, где бледная луна*

Лицо за тучами сокрыла.

1997

Одеяло

*Мы не ссоримся, но если
Раздраженье доконало,
Нас помирят одеяло:
Спать-то – рядом,
Жить-то вместе!*

*Золотая аксиома:
Пониманье нам дороже...
Ночь заботы дня итожит.
Ночь – цемент в устоях дома.*

*И – любое наше утро
Там, во тьме, берет начало.
Спрячемся под одеяло
И – не ссорились, как будто...*

1998

«Когда бываю я не прав...»

Когда бываю я не прав,

*Прошу прощенья у трав.
У неба, где звезда дрожит,
У камня, что у ног лежит.
У песни, что поет скворец,
У провиденья, наконец...
Но – не у той, пред кем вина
Жжет сердце, мучает меня.
Молчу угрюмо перед ней,
Как перед совестью своей.
Поскольку ни к чему слова,
Покуда в нас любовь жива.*

1998

«Я – счастливый человек...»

*Я – счастливый человек.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)*
*Мне дарован славный век.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)*
*Мама есть и есть жена.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)*
*Есть квартира и страна.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)*
*Есть успех и неуспех.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)*
*К слезам – слезы. К смеху – смех.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)*

*Есть и проза, и стихи.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)
Есть друзья, и есть враги.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)
В общем, что мне горевать?
(Тьфу, чтобы не сглазить!)
Двум смертям-то не бывать.
(Тьфу, чтобы не сглазить!)...*

1998

Из книги «Игра в солдатики»

Коркино

*Мы все – природы сыновья
И логике подвластны древней...
Не потому ль родился я
На стыке города с деревней.*

*В окно кричали петухи,
Но громче их – гудки разреза...
И сызмальства, мои стихи —
На стыке неба и железа.*

*До леса лишь рукой подать,
И до вокзала недалече...
И вечен, словно благодать,
Миг – от прощания
до встречи.*

2000

«В России нет свободы, ТОЛЬКО – ВОЛЯ...»

В. А. Ремизову

*В России нет свободы, только – воля.
Она одна дорожке всех свобод!
Поскольку, не судьба у нас, а доля,
И мы – не население, а – народ.*

*И всей цивилизации законы
Для нас мертвы...
Живем мы наобум!
То бунт кровавый, то набата звоны
Нам будоражат запоздалый ум.*

*И зарекаясь, видимо, недаром,
От нищенской сумы и от тюрьмы,
Все ж, не суда земного —
Божьей кары,
Как воли собственной, боимся мы.*

2001

«Ожидаем прихода мессии...»

*Ожидаем прихода мессии
На пороге столетий, как встарь...
Прорастает церквями Россия,
Словно порослью бывшая гарь.*

*Белостенны они, как березы,
И все тянутся, тянутся ввысь,
Где зарницами веиние грозы
Над распутицей нашей зажглись.*

*И пускай не отыщешь просвета
В столкновеньях неистовых туч,
Но уже повернулась планета,
Как подсолнух, на солнечный луч.*

*Значит, все перетерпим, как прежде.
Корни – в прахе, в крестах – купола...
Новый век прорастает надеждой,
Там, где раньше лишь вера была.*

1998

Перед битвой

*Еще на озере Чудском взломают лед,
И пузыри взметнутся в полынье...
И князь усталый кровь с меча сотрет,
Сам – невредим – в порубленной броне.*

*И ратники по полю побредут,
Ища своих...
Но это все — потом...
Кто будет жить, кого в бою убьют? —
Один Всевышний ведает о том.
Идут дружины.
Длинные щиты
У них алеют ярче, чем заря.
Ползет обоз.
Весть принесли посты,
Что впереди селения горят.
Гремит набат.
И голоса его
Страшась, наверно, больше, чем ножа,
Стегая иноходца своего,
Изменник в стан врага спешит,
дрожа...
И под тяжелым взглядом воевод,
Забыв свое холопство и нужду,
Вчерашний смерд рогатину берет —
Мол, смерть красна у мира на виду!
И вьется у околиц ребяшня,
И бабы, провожая во —
ин —
ство,
Музей знаменьем крестным осеня,
Боятся верить в скорое вдовство.*

Стрела и песня

*Россия – любимая моя!
Из солдатской песни*

*Сыны Чингиза и Батыея —
Ослабла луков тетива...*

*Солдатский строй поет:
– Р-а-с-с-ы-я... —
Калеча русские слова.*

*Стрела, что пущена в Ивана,
Домчалась к нам через века.*

*В строю на сотню горлопанов —
Лишь три Ивана-дурака!..*

*Но русской армия зовется,
Хоть и раскосая на вид...*

*Судьба России не прервется,
Коль песня русская звучит.*

*Не отрицая все бывшее,
Летят туда, где даль светла,*

И песня, ставшая стрелою,

И песней ставшая стрела.

1986

«Задавал истории вопросы...»

*Задавал истории вопросы
Мой народ, и право, не со зла...
А в ответ из губ его, из носа
Юшка Волгой-матушкой текла.*

*Да и юшкой редко обходились...
Тем, кто был до знания охоч,
Руки, ноги, головы рубили
Или просто увозили в ночь.*

*Семь веков – жестокая наука,
Чтоб собрать страну в один кулак,
А потом за десять лет профукать...
Это ж надо умудриться так!*

*Что это? Какая вражья сила
Поселилась нынче в нас самих?
Распродали матушку-Россию —
Раскрутился страшный маховик.*

*Тут – не до вопросов и ответов...
Суд земной истории верша,*

*Русь моя, как маятник планеты,
А по сути даже и – душа.*

*Для чего же душу рвать на части?
Без нее и впрямь всему – хана!
Мается во власти и в безвластьи
Некогда великая страна.*

*То ль по Божьей воле, то ль —
безбожной
Мчится время задом наперед...
Мается Россия и, возможно,
Потому-то все еще живет.*

1998

Дуэль

*Здесь честь дороже денег и чинов,
Страшнее смерти кажется бесчестье...
К барьеру ты уже шагнуть готов
С той самой пресловутой жаждой мести.*

*И ничего переменить нельзя,
Покуда жизнь и смерть играют в фанты,
И курят, опустив глаза, друзья,
Которые обычно секунданты...*

В огороде – бузина...»

*В огороде – бузина,
В Киеве – дядька...
Родственников – до хрена,
А кого позвать-то?*

*Только тяжкий ссыльный крест
Да корней смеиенье...
Да портрет семейный есть —
Внукам утешенье.*

*Дуют ветры по стране
И по заграницам.
И плечом своим к родне
Мне не прислониться.*

*Разбросало семена —
Умудрись собрать-ка!
В огороде – бузина,
В Киеве – дядька...*

*Память обо всех храня,
Мы почти чужие...
Всей родни-то у меня —*

Мама да Россия.

1998

Старое кино

Алексею Решетову

Пуškai не судим, не опален

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.